

18+

ЖЕНЯ АРТЪЕ

18+

A woman with blonde hair, wearing a green coat, stands in a snowy forest. She is looking off to the side with a slight smile. The background is a dense forest of snow-covered trees.

ВДРУГ
ВОЙНА,
А ТЫ НЕ
ГОТОВА!

ОТКРОВЕННАЯ ИСТОРИЯ
НЕИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Женя Артъе
Вдруг война, а ты не готова!
Откровенная история
неидеальной женщины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65631826
ISBN 9785005381385*

Аннотация

«Вдруг война, а ты не готова!» – это автобиографические рассказы девушки Жени, которая в 40 с лишним лет узнает о серьезном аутоиммунном заболевании. Оно в ней пульсирует и может привести к необратимым последствиям. Но героиня не опускает руки, напротив, она решается на скрининг собственной жизни, чтобы найти причину своей болезни в прошлом и наконец перестать воевать в настоящем. Это книга-откровение, книга-мотиватор, книга – долгожданный путь к себе.

Содержание

Пролог	6
Я должна жить	12
Женя	12
Смертельный диагноз	15
Стать врачом	22
Спасение	27
Про детство	33
Прощай, общага!	33
Сестренка	39
К войне готова?!	47
Опять Плаксины чемпионы	50
Борщевик	53
Лесная история	56
Школа	59
Это маленькая жизнь	59
Спасатель	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Вдруг война,
а ты не готова!**

**Откровенная история
неидеальной женщины**

Женя Артъе

Редактор Наталья Шакирьянова

Корректор Наталья Шведова

Дизайнер обложки Елена Глазырина

Фотограф Ксения Лашкова

© Женя Артъе, 2022

© Елена Глазырина, дизайн обложки, 2022

© Ксения Лашкова, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0053-8138-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

#

#

#

Эта книга посвящается моим родителям —
папе-пограничнику Анатолию
и маме-спасительнице Ирине,
моему замечательному мужу Роману,
талантливым дочерям – Анне и Марии,
любимой сестренке Наташе.
Впервые издана летом 2021.

Пролог

И я поняла, что медленно умираю.

«Господи, как же мерзнут мои пальчики... Вот бы руль с подогревом!.. Да когда сдвинется эта пробка?.. Голова у детей повисла, надо поправить... Эй, ты, редиска, какого енота ты лезешь?.. Вот баран!.. Блин, опаздываем в школу...» – и так каждое утро. Целых полтора-два часа.

Мы переехали в новый район, из которого рано утром выбраться невозможно. Школу и садики поменять не получилось, поэтому мне приходится каждый день развозить детей и забирать обратно, и все это в разных районах города. На улице февраль, в моей машине полетела печка, а у меня даже нет времени заехать в сервис, чтобы ее починить.

Режим сменить не получается. Так и засыпаю поздно, а встаю в пять утра, чтобы из нашего района в семь уже выехать. Потом часы развозов, скитаний, и вот уже я везу детей обратно домой, к мужу, вновь преодолевая многочасовую пробку.

Через неделю таких подвигов мои нервы были на пределе. Я уже злилась на весь мир, не стесняясь детей, отчаянно

била по рулю и выла как волк. Так продолжалось несколько месяцев. Я мечтала, чтобы меня оставили в покое, чтобы меня не трогали. Мечтала так сильно, что эти мечты сбылись. Но только по-другому сценарию. Однажды утром, встав с кровати, я почувствовала, что мне сто лет.

Каждый суставчик в моем теле горел. Даже самый небольшой шаг казался мне невероятно трудной задачей. Ощущения были новыми и непонятными. Я не знала, что происходит. Решила – недосып. И ушла в несколькодневный сон. Всегда помогало. Но в этот раз что-то пошло не так. Спустя неделю я почти не вставала с кровати. Не могла шевелить телом. Свободно могли вращаться только глаза.

И я легла в больницу, которая частенько проскакивала в моих мыслях, когда я несчастно колесила по городу. После обследования мне сообщили, что у меня аутоиммунное заболевание – ревматоидный артрит. Это состояние, когда организм воспринимает суставы чужеродными и убивает их.

Тогда я поняла, что медленно умираю. Или уже давно мертва. Ведь несколько лет находилась в скитаниях по пустыне своей жизни. В поисках себя. И осознание того, что уже не принадлежу себе, вызывало непреодолимый страх. Временами мне казалось, что от меня осталась лишь ин-

физурия, которая пока еще тифелька, а в скором и вообще – ничего. И это все внутри, в голове.

Со стороны все было отлично: любимый муж, на котором лежала большая ответственность за нашу семью, чудесные дети, две кошки. Я улыбалась, участвовала в проектах, жила обычной жизнью, как многие из нас. Никто ничего и не замечал. Ведь я старалась искусно прятать свои метания. Только близкие видели мои ночные слезы, крики, печальные глаза, отсутствие улыбки и постоянную усталость. В моей душе происходил ядерный взрыв, который пожирал все на своем пути, на пути всей моей внутренней вселенной.

Еще до переезда, из года в год, я медленно разлагалась. Мне казалось, что меня нет. Не было сил что-то изменить, потому что я не знала – что именно, поэтому в конце концов пустила все на самотек. Мол, само рассосется! Но не рассосалось. Так и жила в вялотекущей лаве душевной смерти, не принимая помощи близких мне людей. Мне казалось, что все так живут и что это норма. Или что это мой рок, судьба такая. Незаметно для себя я стала ненавидеть весь мир, а тот в свою очередь стал преподносить мне соответствующие жизненные ситуации.

И даже тогда, когда мы переехали в чудесное и краси-

вое место, где все были счастливы, где вся инфраструктура располагалась рядом (необходимо лишь немного потерпеть, и все устроилось бы как надо), даже тогда я утопала в собственных фекалиях, как в темном болоте, и никто не мог мне помочь. Просто я туда никого не пускала, потому что я сама. Я все могу сама!

И мой организм по моей внутренней просьбе запустил механизм самоуничтожения, нажав ту самую красную кнопку. И каждое утро, в пять часов, как по таймеру, я просыпалась от ужасных болей, чувствуя – все, теперь точно умираю.

Перед больницей мне захотелось успеть написать прощальное письмо. И я начала выводить буквы на бумаге, стиснув зубы, преодолевая физическую и душевную боль. Вытирая слезы с листка, а сопли с лица, я писала и молила всех простить меня. Простить за то, что я позволила себе прийти в нересурсное состояние, что я настолько самовлюбленная дура, что приношу душевную боль своим близким людям.

Тогда я много написала. Все писала и писала. Мои пальцы ныли от боли, а мысли летели быстрее пули. И я выписывала много какашек, которые давно и прочно сидели в моей голове. Две недели стационара дали мне возможность от-

влечься от обычной жизни и погрузиться в глубь себя, понять, из-за чего это все со мной произошло. И главное – для чего!

Меня посадили на препарат, которым в больших дозах лечат рак. Мои пальцы на руках и ногах были как сардельки, спина не разгибалась, впрочем, как локти и колени. Экая криворучка и кривоножка. Смешно, а ведь в детстве меня так и дразнили!

Тогда я поняла, что все – жизнь уже не может быть прежней. Я ощутила, что стою на краю пропасти: шаг вперед, и меня уже нет. Я стала уродиной. Наверное, мне мало шрамов на животе (после всех перенесенных операций) или на лице (после ожога). Мои суставы могут в любой момент вывернуться в сторону, а мое тело – измениться до неузнаваемости. И я могу превратиться в самую настоящую Бабу-ягу (ах, вот с кого писали сказки!).

Жалость к себе переходила все границы. Мне было страшно. Я рыдала. Била в подушку. Благо в двухместной палате первые дни я была совершенно одна. Я попала в тоннель, который может и не закончиться, а если все же будет выход, то какой – неизвестно. И это пугало.

Я была несколько дней вот в таком состоянии. Состо-

янии точки невозврата. Точки внутренней смерти. «Я же всегда умела находить выход из разных ситуаций!» – кричала я в подушку. Но в этом случае у меня не находилось сил. Мне было больно и холодно. Я очутилась одна в параллельной вселенной, я видела мир, прекрасный и счастливый, но не могла до него дотянуться. Я попала в свой интерстеллар. В мир собственных страхов, где при вдохе ты чувствуешь бурлящую в горле кровь, а при выдохе – огонь в груди.

И я разрешила себе воспарить, улететь от всех этих мыслей, похожих на шум огненного поля битвы. Перейти в состояние невесомости и принять тот путь, на который привела меня моя внутренняя Вселенная. И я начала строить свой собственный пространственно-временной тоннель, который позволил мне вернуться обратно и разложить всю свою историю по полочкам. По главам. Так появилась эта книга.

Приглашаю вас заглянуть в мою жизнь!

Я должна жить

Женя

*Не послушала ты меня, Мария, не назвала
своего сына Женей.*

Боль и страх пронзали миниатюрную Марию. Ей казалось, что она вот-вот потеряет своего первенца. Живот превратился в раскаленный котел, в котором варилось нечто неизведанное. Была половина срока. Но даже золотистые стены больничной палаты не успокаивали бедную девчушку. На душе было тошно, словно кошки скребут. Только лишь гипнотически мигающая длинная лампа как будто сигнализировала: «Маша, сконцентрируйся на себе, ты должна, ты сможешь. Ты из сильного казачьего рода, твой прадед атаман!» Больница с великой историей уральского села Фершампенуаз, времен русско-французской войны, придавала сил слабой Марии. Но врачи уже не надеялись на счастливый финал, отдавшись воле Всевышнего. В деревнях в то время было все просто – не выживет, значит, ребенку не место на земле.

Однажды утром в палату зашел незнакомый старец и спросил: «Ты хочешь, чтобы твой сын выжил?» Мария мо-

лилась о чуде и была согласна на все. В тот момент она даже не удивилась, что старец назвал ее ребенка сыном, ведь в конце 50-х УЗИ еще не было. «Тогда ты обязана назвать своего первенца Женей!» – после этих слов старец пропал, а боль как рукой сняло. Спустя время Мария легко родила (пусть и недоношенного мальчика) и назвала его... Совершенно другим именем. Толя. Она, конечно же, забыла про старца, решила, что он ей показался. Но с этого момента начались их страдания.

Два месяца ребенок находился при смерти. Врачи, чтобы не портить статистику, перенесли дату рождения младенца на следующий год. Шансов выжить не было. Но он выжил. Хотя первые годы был крайне слаб и очень часто болел.

Измученная и обессиленная, Мария взмолилась Господу, чтобы он избавил их семью от страданий и забрал дитя обратно. Она знала, что так думать грешно, но другого выхода не видела. Ее сын жил в муках.

Однажды к ней в дом пришел тот же самый старец: «Не послушала ты меня, Мария, не назвала своего сына Женей, вот и мучается он. Хочешь, чтобы первенец жил здоровый всю свою долгую жизнь?» Девушка пала в ноги старца и начала отчаянно рыдать, с трудом выдавив из себя: «Я на все готова. Прошу, помоги!» Тогда незнакомец продол-

жил: «Ты должна мне пообещать, что, когда у твоего сына родится первенец, он обязательно назовет его Женей. Иначе ребенок умрет!»

Мария согласилась, крепко обняв ноги старца, а тот, кивнув седой головой, вышел из дому. Тем же утром ребенок, как по волшебству, стал здоровым и крепким и дальше крайне редко болел. А Мария всю жизнь рассказывала Толе, что он обязан назвать своего первенца Женей. Старца она более не встречала, но до конца своих дней благодарила его.

Смертельный диагноз

*И все-таки девочка, названная Женей,
выжила, хоть и лавировала на грани
между жизнью и смертью.*

Предсказание старца сбылось. Спустя двадцать два года сын выполнил обещание, данное своей матери. У Анатолия родился первенец. И назвали ее Женей. Да-да, родилась девочка, а не мальчик. И это была я! Папа, искренне веря, что его ребенок пришел на эту планету с особой задачей – спасти мир, начал готовить меня к войне, внедряя в жизнь полученные на пограничной службе навыки.

Я родилась пухленьким карапузом. Ростом всего 48 сантиметров, но зато весила почти 4 килограмма. Глядя на меня, пупса, со спины, можно было даже увидеть мои щеки. Благодаря стараниям родителей, мой первый год, впрочем, как и вся последующая жизнь, был счастливым. Я росла ухоженной девочкой, с золотыми кудряшками и глазами цвета лагуны средиземного моря. Была здоровой и развитой, пока меня не отдали в ясли.

В то время всех детей с года брали в детский сад. Моей маме (ее зовут Ирина) было горько разлучаться со мной даже

на полдня. Но надо было выходить на работу, а ребенку, как и всем детям в этом возрасте, вливаться в социум и учиться жить (или даже – выживать). Сердце матери было беспокойным, и она часто навещала в ясли. И вот однажды она заметила, что молоденькие воспитатели специально выветривают детей в туалете. В холод открывают окна, пока малыши сидят на железных горшках.

И тут у меня все пошло не так... Воспаление легких... Стационар... Спустя три недели меня готовы были отпустить домой. Но в нашем блоке неожиданно объявили карантин. Инфекция вызвала вторичное воспаление легких, из-за которой пошло осложнение на почки. Тогда-то меня и перевели в другое отделение, где уже полное обследование показало врожденное аномальное развитие почек.

В больнице меня лечила врач, которая приехала из другого города в Свердловск, чтобы повысить квалификацию. К сожалению, ее знаний не хватило, чтобы внимательнее присмотреться к моим анализам. Она все время говорила моей маме, что та неправильно помыла баночку, поэтому анализы «фонят». Но мне становилось хуже. Поэтому мама, собравшись духом, отправилась к главному отделению и рассказала все как есть.

– Вы, девушка, вроде врач с пятилетним стажем, но поче-

му-то путаетесь в анализах, – отчитывала педиатра профессор детской больницы. – Вы говорите, что у ребенка все хорошо и повышенное количество лейкоцитов – это из-за плохо вымытой емкости. Запомните! Бактерии – это когда плохо баночку помыли, а вот повышенное количество лейкоцитов – это и есть воспаление. И при таком количестве, как у вашей маленькой пациентки, – больше миллиона – нужно бить тревогу! Срочно!

Ноги моей мамы тут же подкосились, но она устояла. «Господи. Я ей доверилась, а она запустила болезнь моего ребенка! Что же получается, нельзя полагаться на врачей, только на себя? Но как?! – кружили мысли в голове хрупкой двадцатилетней мамочки. – Так. Только я смогу спасти свою дочь. Во что бы то ни стало! Но для этого мне нужны знания!»

Моя мама с детства увлекалась медициной. Собирала все аннотации к лекарствам, вырезки из газет и вклеивала их в тетрадку, а также записывала заметки, услышанные по радио и ТВ. Ее папа всегда видел в ней врача, который спасает жизни людей.

В той детской больнице я пролежала целых три месяца, половину из которых моя мама ежедневно ходила умолять заведующую, чтобы та положила ее вместе с дочерью.

– Хорошо, я оформлю и тебя, но только к грудничкам-отказникам, которые только-только после роддома. И ты должна будешь за ними ухаживать, – согласилась заведующая, – готовься, сладко тебе там не будет!

Моей маме разрешили быть рядом со мной. Но для этого она должна была выполнять массу работы: мыть полы, убирать в отделении грудничков и ухаживать за ними. Условия были как в концлагере – негде спать и нечего есть. Большую часть времени мама спала возле меня, сидя на стульчике, опираясь на мою кроватку. Рядом, потому что я часто просыпалась от боли и плакала.

Как-то ночью у меня поднялась высокая температура, больше сорока (хотя на тот момент всем казалось, что я выздоравливала). Сбить ее ничем не удавалось. Становилось все хуже и хуже. Мама вызвала дежурного врача:

– Дочке помогает вот такой-то укол, мы его уже не раз тут делали. Поставьте его, пожалуйста.

– Мамочка, ждите утра. Сейф закрыт. Ключа нет. Ничем помочь не могу, – проворчала врач, выйдя из палаты и хлопнув дверью.

Нужно было что-то решать. Время шло, я угасала на гла-

зах. Лежала в бреду. Закатывала глаза. Пальчики на ножках и ручках начинали синеть. Сердце настолько бешено колотилось, что казалось оно: выпрыгнет из груди или взорвется.

И вот тогда мама решила взять на себя ответственность и поставить укол. За время нахождения в больнице она научилась ставить уколы, разбираться в лекарствах и выполнять функцию медсестры.

– Ирина, я не знаю, что делать, лекарств нет, как спасти ребенка? – расплакалась молоденькая медсестра, которая дежурила в ту ночь.

– Так, соберись, Нина, мы должны быть сильными. Я сейчас поставлю двойной литический и пойду искать то самое лекарство, которое ей помогает, а ты следи за ней, – твердым голосом скомандовала мама и побежала звонить своей подруге.

– Марина, тут такое дело... Дочке очень плохо, температура высокая, лекарства не выдают, врач ушла, хлопнув дверью, я поставила жаропонижающее. Выручай, – плакала в трубку мама.

– Конечно, помогу, Ирина! Ты не волнуйся, – успокоила ее подруга.

Всю ночь и до самого утра мама и медсестра бились

за мою жизнь. И я боролась тоже. В итоге через несколько часов температура спала, и я крепко уснула.

Когда наступило утро, в палату вбежала врач и тревожно, но сдержанно проговорила:

– Мамочка, поднимитесь в ординаторскую. Вас вызывают.

– Для чего я должна туда подойти? У меня и тут дел много! – возмутилась мама.

– Вы зачем-то пожаловались на нас. Сказали, что нет лекарств, – нервно ответила та самая врач.

Зайдя на этаж выше, Ирина увидела картину: все двадцать четыре врача стоят в коридоре как по линейке. И их отчитывает главврач.

– Вы что на нас, мамочка, жалуетесь? У нас все в порядке. У нас прекрасно лечат. Что вы от нас хотите? – громким голосом, почти крича, спросил главный.

«Хм, странно, а я ведь только подружке про это рассказала», – подумала мама.

– Я вообще не хочу больше лежать в вашей больнице. Место, где отказались спасти мою дочку. Где мне самой пришлось приводить ее в чувства, находясь под присмотром

«опытного» медперсонала. С сегодняшнего дня я не останусь тут ни на минуту, — дрожащим от бессонной ночи голосом ответила Ирина. — Мы едем домой. Я буду ее так же лечить, как лечите вы: давать лекарства, делать процедуры и ставить уколы. А в случае чего, вызову врача на дом. Ну и в экстренном случае — скорую, которая дочке поможет оперативно.

Как оказалось позже, Марина, мамина подруга, имела выходы на министра здравоохранения. Достаточно было одного звонка, чтобы этот самый министр наказал заведующей детской больницы приходить к нам домой каждый день на осмотр и ежедневно отправлять ему отчеты о состоянии моего здоровья.

Так и получилось. Она действительно приходила каждый день и осматривала меня, корректировала лечение. А главврач после каждого такого визита звонила и отчитывалась министру лично.

Стать врачом

– Мамочка, мы берем тебя, первого сентября приходи!

– Вас не понимаю. Куда приходите? – растерялась мама.

– Как куда? К нам! В медицинский институт.

Несмотря на то что я активно старалась выздороветь, все же лечиться дома было крайне неудобно, так как часто требовались обследования и физиопроцедуры.

Неподалеку от дома находился перинатальный центр, и мама решила оформить меня туда. Но для этого пришлось целую неделю договариваться с заведующей. Так я оказалась еще в одной больнице, и мама вместе со мной, хотя совместное пребывание было категорически запрещено. Роддом все-таки! Маму скрывали медсестры за то, что она помогала им ухаживать за детками.

Вскоре ее вызвала к себе в кабинет заведующая перинатального центра:

– Ирина Ивановна, вас обыскали в детской больнице (в той, в которой мы лежали изначально). Мне звонила заведующая. Они потеряли вас. Почему вы им не сказали?

– Екатерина Васильевна, у меня просто нет времени бегать и всем сообщать. Я нашла лучший вариант. У вас, – произнесла мама.

– Ирина, давайте начистоту. Я знаю, что вы нарушаете наши договоренности. Вы ночуете у нас. Это против правил. Но я пойду вам навстречу. Что вы хотите? – сменила тему заведующая.

– Я хочу отдельную палату для нас двоих. И оставаться тут на прямых основаниях. Официально, – решительно ответила мама, удивляясь откровенному разговору.

– Хорошо, я все решу, – подписывая распоряжение, сказала врач.

Как позднее оказалось, обе заведующие были одноклассницами, и, вероятнее всего, информация о министре дошла и до перинатального центра.

Меня и маму положили в палату к двум молодым мамам с детьми. Одна была дочкой заведующей аптеки больничного комплекса, а вторая – дочерью секретаря обкома партии. И те долго гадали, чья же моя мама родственница, ведь некормящую женщину могли определить в палату к ребенку лишь по большому благу.

Пребывание в перинатальном центре напомнило отдых на курорте. Особое отношение. Комфортные условия. Трех-

разовое питание как в ресторане. Сама заведующая лечила меня. Вот она – жизнь по благу, королевская!

Мама продолжала ежедневно записывать все о течении моей болезни, которая по показателям скакала как кардиограмма. Мне то становилось лучше, то хуже. В свою волшебную книгу мама приклеивала аннотации препаратов, схемы инъекций и уколов. Параллельно записывала информацию и о других болезнях, а также о способах их лечения. Она хотела знать все, чтобы в любую минуту можно было ответить на вопросы: как лечить, какое лекарство можно сочетать, а какое нельзя.

Был как-то случай. Мамочки разговорились про лечение своих детей. И тут моя мама говорит:

– Ольга, а ведь вам неправильно назначили лекарство. Одно вы лечите, а другое калечите.

– Как так неправильно? – растерялась соседка. – Врач же назначила!

– Ну вот, смотри, – показывает свою книгу мама, – у вас есть вот это сопутствующее заболевание, а при нем это лекарство противопоказано.

– Ирина, я могу взять твои записи? Схожу-ка я к профессору, – сказала Оля, забирая у мамы ее записи.

Спустя полчаса Оля забегает в палату и встревоженно говорит:

– Ирина, тебя вызывает профессор. Вместе с твоими книгами! Беги скорее, пока она не ушла на обход.

И мама, взяв в охапку свои книги, перед этим поправив прическу и накрасив губы, побежала по коридору, крепко прижимая к себе «гранит знаний», который так долго собирала.

– А вы откуда это все взяли? – сходу спросила профессорша.

– Ну, я со школы это веду, – уверенным голосом ответила моя мама.

И началось. Полчаса самого настоящего экзамена по разным заболеваниям. Схемам лечений. И тут профессор выдает:

– Мамочка, мы берем тебя, первого сентября приходи!
– Вас не понимаю. Куда приходиться? – растерялась мама.
– Как куда? К нам! В медицинский институт.
– Ой. Вы что, мне в жизни не сдать! Я же ничего не знаю. У меня техническое образование, – удивленно затараторила мама.

– Ничего, – остановила ее профессор, – теорию подтянешь, а практику тут пройдешь. Я сама тебя лично проведу по всем экзаменаторам. У нас уже готовый врач. Первого сентября мы тебя ждем.

Мама рассказывала, что она несколько дней была разду-
мьях. С одной стороны, вот она мечта – в руке. С другой сто-
роны, ее дочка еще не выздоровела. Когда решение в голове
созрело, она снова зашла в кабинет к профессору:

– Я обдумала ваше предложение. Вы знаете, я не могу его
принять, – мама была заметно расстроена, – мне надо выле-
чить дочь.

– Ирина, мы вас ждем в любое время. Как будете гото-
вы, сообщите мне, и мы все устроим. Вы отличный специа-
лист, а это большая редкость. Помните об этом! – сказала
врач. – И еще, мамочка, пришли результаты обследования
вашей дочери – ей нужна операция. К сожалению, в Сверд-
ловске нет опыта по таким делам. Вам надо ехать в Моск-
ву. Я советую вам срочно перевестись в областную детскую
больницу. Там вас обследуют уже как надо и направят в сто-
лицу. Я подготовлю перевод.

Спасение

*Они кричали от боли, многие умирали на глазах.
Это был ужас, который не передать словами.*

В областной детской больнице, благодаря заведующей перинатального центра, меня направили к одному из лучших специалистов.

– Борис Георгиевич, я знаю, что подобные операции проводят только в Москве. Как мне можно туда попасть? – спросила моя мама.

– Ну и поезжайте в свою Москву, – оскорбился врач, – раз у нас таких нет.

– Вы меня извините, я не хотела вас обидеть! Говорю то, что мне сказали, – спешила успокоить возмущенного врача мама. – А что, разве делают?

– Я делаю! – сдвинув брови, ответил врач.

– Правда? – выдохнула мама. – Борис Георгиевич, тогда как мне попасть вместе с моим ребенком в стационар? Я не могу оставить ее одну. Я буду делать все-все, что скажете. Я многое умею. Разбираюсь в лекарствах, ставлю уколы. Я могу мыть, стирать, готовить, прибираться и ухаживать за детками. Главное – быть все время рядом с дочкой. Если не согласитесь, я буду каждый день к вам приходить и умо-

лять. Каждый день.

Под таким напором врач сдался, и нас положили вместе. Но за это маме нужно было вставать каждый день в пять утра и работать: мыть 16 процедурок, 14 палат, триста метров холла, у всех детей в отделении менять постельное белье и увозить его на каталке в прачечную, в другой конец здания, а также дежурить на кухне, которая также находилась далеко, под землей.

Зато мама могла круглосуточно быть со мной, следить как и чем меня лечат. Ей даже разрешили самостоятельно ставить мне уколы, контролировать лечение и процедуры.

– Ирина Ивановна, если вы хотите, чтобы вашего ребенка эффективно лечили, то вы должны все знать. Больше, чем врачи. Вы должны все контролировать. Не стесняться задавать вопросы, но и не надоедать. Оперативно доставать сложные лекарства и контролировать лечение. Много читать. Изучать. Быть терпеливой и сдержанной, – часто повторял профессор, заведующий отделением. – Теперь вы учитесь на факультете «Мамочки».

Старенький профессор проникся к моей маме. Она была молода, красива, энергична, а главное – умна. Медицинские знания удачно укладывались в ее красивой голове.

За добросовестную работу в больнице доктор разрешил маме читать его личную библиотеку, изучать опыты, разные истории болезней. Конечно же, мама не упускала такую возможность и ежедневно перечитывала труды профессора, учебники, статьи научных сотрудников. В будущем эти знания она часто применяла на нас, своих детях. Они ей дали спокойствие, ведь в той или иной сложной ситуации она всегда знала, как реагировать.

Перед моей первой операцией был собран консилиум врачей: ситуация была не из простых. Мне с каждым днем становилось хуже, жизнь была под угрозой. Опыт проведения подобных операции был крайне рискован, но необходим для спасения других детей. Мама дала согласие на проведение всех операций. Их было две, с разрывом в полгода. Все сделали успешно. Меня спасли. Страшное позади. Впереди годы реабилитаций. Правда, на память мне оставили диагноз в карточке и изуродованный навсегда живот, которого я стеснялась до первых родов. Но главное – я была жива!

Погрузившись вместе со мной на несколько месяцев в больничную атмосферу, мама узнала не только о том, как спасают жизни, но и то, как дети умирают. Видеть и слышать это было больно. Ей хотелось рыдать и кричать. Но для меня она всегда улыбалась. Она должна была быть сильной, все

потому, что между нами была связь, как нить паутины, тонкая, но прочная. И я все чувствовала тоже.

На одном из этапов лечения из области поступило много тяжелобольных детей разных возрастов. У всех был рак. И они лежали со мной в палате. Они кричали от боли, многие умирали на глазах. Это был ужас, который не передать словами (я до сих пор иногда вижу во сне, как они кричат).

Медсестер не хватало, и в дело брали мамочек, которые лежали в стационаре со своими детьми.

— Если хочешь оставаться в больнице со своим ребенком, ты должна быть сильной духом. Никаких слез и истерик, — говорил заведующий отделением. — Ты должна выглядеть всегда ухоженной, в накрахмаленном халате, при макияже и причёске. Ты должна, несмотря ни на что, всегда улыбаться. И не дай бог, если будет что-то не так, то ты тут же вылетишь отсюда.

Конечно же, никто не хотел видеть некрасивую и плаксивую мамочку с лохмами на голове, всем нужна была сильная красавица, которая с энтузиазмом драит полы, вытирает попки. Да и я не хотела бы видеть разбитую маму. Вернее, я бы, наверное, испугалась.

И мама себя держала, как бы тяжело ей ни было. Она шустро махала шваброй, выполняла все поручения – мыла, прибирала. Несмотря на бессонные ночи, страхи, боль, которые ее окружали и пронизывали до костей, она улыбалась. Всегда выглядела словно сошедшая со страниц журнала мод. Мама была и уборщицей, и кухаркой, и медсестрой, а еще для всех детей – мамой.

И все же было в больнице одно место для разрядки – это комната для мамочек, которая находилась поодаль от всех палат. И вот там Ирина и другие мамы по очереди орали в подушку, ревели, выплескивали свои страхи, злость. В общем, оставляли в той комнате свою слабость.

Было сложно всем. Я работала над своим здоровьем внутри. Мама над моим – снаружи. И все-таки девочка, названная Женей, выжила, хоть и лавировала на грани – между жизнью и смертью.

Хирург справился, он спас мою жизнь, а в дальнейшем – жизни множества детей. Вот так неумышленно я помогла многим. А моя мама, благодаря ее энергии и любви, сделала все возможное, чтобы спасти меня. Несколько лет скиталась со мной по стационарам и санаториям, стараясь ничего не пропустить, боясь пережить еще раз страх потери ребенка. Но, когда мне исполнилось пять лет, болезнь и ее послед-

ствия как рукой сняло. И я впервые пошла в детский садик. А мама спустя полгода родила мне сестренку Наташу.

Ее мечта почти сбылась, она стала «врачом», но не медицинским. Мама «лечила» платы космических кораблей, которые в свою очередь выполняли миссию защиты нашей планеты.

Про детство

Прощай, общага!

Крутая стенка за одну тысячу, ковер за восемьсот рублей, шикарный торшер, похожий на НЛО, и такая же люстра.

Кроме больницы, у меня была и обычная, домашняя, жизнь. Правда, и в ней мне приходилось преодолевать многое и завоевывать свое место под солнцем.

В раннем детстве я счастливо грелась в лучах маминой и папиной любви. Меня баловали, кормили самой вкусной едой и одевали в лучшие наряды импортного производства. В то время папа хорошо зарабатывал, трудясь день и ночь на заводе. И все же его зарплаты, которая превышала временами раз в пять среднестатистическую, не хватало на новую квартиру. Да и квартиры в то время выдавали, а не продавали, и нужно было знать схемы или людей, чтобы получить ее раньше времени. Поэтому мы жили в общежитии кабельного завода до моих десяти лет. И это был мой рай на земле!

Наша общага напоминала большой лайнер, плававший

на просторах океана. Целых десять этажей по 40 секций и примерно 120 разных семей. И у каждой по несколько детей!

С этого «лайнера» некуда было деться. Информация на нем разлеталась с бешеной скоростью, как будто кто-то стоял на мостике и озвучивал ее в рупор. В 80-х годах не было интернета, и все люди активно общались друг с другом вживую – такая соцсеть оффлайн советского периода. Именно поэтому здесь все всегда про всех знали.

И вот наш «лайнер», заботливо приютивший более сотни «пассажиров», каждый день проживал свою общую веселую жизнь. Вечерами дети играли в спортивные игры, а взрослые устраивали веселье. На первом этаже был бар и ночная дискотека, в закоулках которых постоянно прятались совершеннолетние (и не только) обитатели «корабля», скрываясь от своих сожителей. И я не раз в детстве на таких натыкалась.

В нашем отсеке четвертой «палубы» было четыре квартиры для четырех семей. Комнатушки маленькие, каждая по восемь квадратных метров. Использовали их только для сна. Кушали, готовили еду и гладили белье в холле.

Ежедневно передо мной разворачивалась картина четырех семей – моей и еще трех. Не скажу, что благополучных.

Все три семьи жили в каком-то кипише. Мужики пили, женщины орали или ревели, дети стояли на головах, а кто-то был крайне зашуганным и все время по-тихому отсиживался дома. И такое не только у нас – на всем «лайнере» происходило подобное. Даже несмотря на то, что я считала общагу раем для детей, для большинства взрослых это место являлось полной противоположностью. Тут не было личной жизни. Совсем.

По моим воспоминаниям, наша семья, на мой взгляд, была одной из немногих, кто оставался светлым лучиком в этом темном царстве клоаки. Пока мужчины с «лайнера» уходили в запой, развлекались с чужими женщинами, морально и физически унижали своих женщин, мой папа продолжал оставаться нормальным человеком. Другим. Я до сих пор благодарю Вселенную, что родители, несмотря на место, не сломались и живут до сих пор гладко, уважительно относясь друг к другу.

Общага дала мне «насмотренность» на разных мужчин: хороших и плохих, скромных и буйных, умных и глупых, добрых и злых, а также на женщин. И опыт выживания в этом товарищеском плену. И уже в последующей взрослой жизни, в других «плаваньях», благодаря всему этому, я могла легко вычислить неблагополучных кадров.

Периодически в этом доме мне приходилось выживать, как на войне, проявлять качества лидера, быть интересной, уметь хитрить, обманывать, выкручиваться из любых ситуаций. С каждым годом я выстраивала вокруг себя отряд из больших и маленьких детей. Меня знали все – от вахтерши до дворника. Все свои заслуги я получала через сражения. Ведь вокруг постоянно появлялись новые лидеры, и каждый пытался занять мое место. Но я твердо сидела на своем вымышленном троне, а все потому, что у меня были большие преимущества в общежитии, открыты все двери. И в кафе – бесплатные мороженки, и допуск в актовый зал, где можно было побренчать на рояле или потанцевать под импортный магнитофон. Меня даже пускали в комиссионку, которая располагалась на первом этаже. Там я вообще отводила душу – могла порыться в разных вещах, поиграть в игрушки, нарядиться.

Несколькими этажами выше жила мамина родная сестра Людмила. Вся наша семья называла и до сих пор называет ее ЛюдАнька. Люданька – человек-праздник, она всегда-всегда смеется и улыбается. В детстве я воспринимала ее как маму и как подругу. Разница в возрасте у нас всего 17 лет.

Люданька тогда была совершенно другой, не как мама. Ее воспитание заметно отличалось: было более свободным от ограничений. Мне многое позволялось. Если я не хотела

есть, я не ела, а если хотела, то лопала все, что мне нравилось. Хотела гулять – гуляла, не хотела – валялась в кровати и играла в крестики-нолики. Я думаю, что с мамой они не раз спорили на эту тему.

Вместе с Людой мы проживали мои победы и поражения, разбирали разные сложные моменты, всегда с юмором и смехом. «Безвыходных ситуаций не бывает!» – всегда цитировала Мюнхгаузена Люданька. Я до сих пор иду по жизни с этим девизом и учу ему своих детей.

Когда мы переехали в двушку, это было что-то невероятное для нашей семьи. Вы только представьте: раньше жили в восьми квадратных метрах вчетвером, пользовались общественной столовой, кухней и санузлом и... Бац! Переехали в собственное жилье, где у родителей появилась отдельная комната и у меня тоже.

Ух, и зажили мы тогда! Крутая стенка за одну тысячу рублей, ковер – за восемьсот, шикарный торшер, похожий на НЛО, и такая же люстра. А на кухне был самый настоящий кухонный гарнитур! И главное, что в нашем доме не было чужих людей, соседей, которые могли в любую минуту зайти в комнату. Мы одни! Наша семья начала новую жизнь на своей микропланете.

Так как я в одно мгновение лишилась своей компании – своры общежитский детей, все мое внимание переключилось на другого человека...

Сестренка

*Наташа всегда была рядом со мной,
мне было так спокойнее.*

– Мам, а давай назовем сестру, как нашу тетю! Я хочу, чтобы у меня было две Наташи (у меня есть еще одна любимая тетя – тетя Наташа, которая старше меня всего на год).

– Зачем, Женечка? – с удивлением в голосе спросила мама.

– Так это же весело и просто, – трепетала я, – зовешь одну, а прибегают сразу обе.

Так родилась моя младшая сестренка, по имени Наташа. Ее появление на свет у меня ассоциируется с Новым годом, хрустящим снегом и мандаринами. Помню: в тот предновогодний день папа не повел меня в садик. Мама все еще лежала в больнице, а меня некому было вести. В секции нашего общежития шумели дети, а некоторые взрослые уже украшали свои комнаты и залы к новому году. Папа был на работе. И тут забегают в комнату мамина сестра Люда и весело кричит: «У тебя родилась сестренка! Собирайся, пойдем посмотреть».

По пути в роддом (а он находился в шаговой доступности)

к нам присоединился веселый папа. Мне дали мандаринку, а взрослые что-то громко обсуждали.

Впервые я увидела Наташу в заснеженном окне роддома. Когда мама поднесла к окну сверток, я смогла разглядеть только малюсенький нос, а вернее, две его черные дырочки. Мама была уставшей, немного похудела, ее локоны небрежно спадали на ночнушку. Она держала крикливую маленькую девочку и улыбалась нам.

Младенчество сестры я не очень помню, возможно, в этот период я сильно переживала появление еще одного любимого ребенка (первая была я), поэтому мои воспоминания блокируются. Другого объяснения я не нашла.

Мама полностью переключилась на нее, и ближайшие пять лет я ее практически не видела. Вернее, не запомнила. Лишь некоторые моменты. В это время мной занимался папа и Люданька, которая на тот момент заменила мне мамины объятия.

А вот с трехлетнего возраста я Наташу отлично помню. Вспоминаются разные моменты, вот например: мы бежим с мамой в поликлинику, не дождавшись трамвая. Трамваи в то время ездили по утрам набитые битком, как переспелые горошины в стручке. Преодолевая сугробы, шаркая ногами

по морозу, мы все втроем спешим на прием к врачу. Мы с мамой бегом, а Наташу катим в санках. Всю дорогу сестра, покрывшись инеем, спала, привязанная большим пуховым платком к своему «автомобилю». Кстати, в то время все дошколята зимой выглядели одинаково: в тулупе, в мутоновой шапке, в валенках, перемотанные большой серой шалью и привязанные к санкам.

Однажды мы так торопились, что на кочке завалили привязанную Наташу в сугроб. Визгу было! Мы, правда, с мамой тогда сильно испугались.

Когда сестренка чуть-чуть подросла, она полюбила над всеми подшучивать. Был случай.

– Мама, – всхлипываю я в трубку телефона, – мам, я потеряла Наташу.

– Как потеряла? Вы же были дома!

– Ну да! Мы поссорились, и она спряталась. Я все обыскала. Ее нет, – продолжала реветь я, – приходи скорей.

Пока мама шла домой от подруги, я выкрикивала сестру, бегая из комнаты в комнату нашей хрущевки. Пришла мама, и мы вместе стали ползать по всем шкафам и полкам в поисках ребенка. Даже все ящики на балконе просмотрели. Нигде нет. Тут мама уже не на шутку испугалась и стала соби-

раться искать свою дочь на улице. И вдруг кто-то хихикнул. И мы поняли, что мелкая дома. Но где?

«А я тут!» – пронесся где-то сверху голос первоклашки. Мы поднимаем голову, а там, наверху, у самого потолка, сидит моя сестра. Ноги на распорках, а руками уперлась в антресоль. Сидит себе спокойно и как-то умудряется лопать конфеты. И смех и грех!

Мама нас немного отчитала, а потом прижала обеих в груди и пошла печь блинчики. А я до сих пор не знаю, как же моя Наташа умудрилась так долго сидеть под потолком, упираясь в узкий коридор всеми конечностями, и терпеливо, попартизански, молчать.

Когда я училась во вторую смену и имела возможность подольше поспать, это счастье (подольше поспать) обходило меня стороной. А все потому, что в зоне моей ответственности были утренние одевания младшей сестры и заплетание кос. Визгу было – не передать словами! И, конечно же, я драла ей волосы, а она так орала, что на ее крик прибегали соседи. Я же постоянно твердила: «Терпи, казак, атаманом будешь». Так внутри меня отзывались дедушкины слова.

Когда Наташа пошла в школу, то к моим обязанностям добавились еще и ее уроки, а также сопровождение в шко-

лу. «Ты в ответе за свою сестру! Береги ее, защищай, помогай», – твердили мне родители.

И тут я скатилась на тройки. Пятый класс, новые предметы, учителя, которым постоянно что-то надо. А у меня тут, видите ли, сестра, за которую я «отвечаю головой»! Мне ее надо подготовить к школе, а после покормить и сделать все задания. А она от меня убегала, капризничала и упорно не хотела учиться, поэтому времени на свои уроки мне не хватало. В итоге за всю эту «ответственность» мне и влетало – за сестру и мою неуспеваемость.

Каждый день я отводила в школу и забирала оттуда Наташу, хотя это было недалеко от дома. На переменах я тоже частенько приходила ее навестить и защитить от пакостников. Мне это удавалось. На тот момент я чувствовала большую ответственность за сестру и полное доверие со стороны родителей, которые понимали, что только я могу управлять Наташей. Хитро, тонко, волшебю.

«Ты мне не мама!» – постоянно возмущалась сестра, хныкала и убегала к папе. Он был для нее авторитетом, и в то же время она знала, где у него «кнопка». Она вертела им как могла, и мне было завидно. Я боялась грозного отца, а она нет. Когда папа повышал голос, я ощущала великий гром среди ясного неба, который раздражал мою тонкую душев-

ную организацию, а вот Наташа криков не боялась. Она в такие моменты рrrраз – и прыгала папе на колени, шептала ему что-то на ухо. И тот, конечно же, смягчался.

Позднее я использовала этот навык как инструмент для достижения своих хотелок. Просто отправляла сестру на разведку к отцу с очередной просьбой, и папа не мог ей отказать. Я даже проверяла: сама подходила с просьбами и получала резкое «нет». Следом за мной ту же процедуру проделывала Наташа. Просила о том же, но слышала другой ответ – «да». А все потому, что сестра умела манипулировать папой. И меня это бескрайне бесило. То, что для меня было под запретом, ей разрешалось. Если нас наказывали и запрещали прогулки, то она могла просто послушаться и выйти на улицу, когда пожелает. «Я папе расскажу!» – часто звучали из ее уст слова. И да, этого мне было достаточно, чтобы сдаться, так как я старалась избегать наказаний.

Шло время, мы с сестренкой дружили и воевали одновременно. Бывало, хотелось, чтобы она куда-нибудь свалила, но все-таки даже день разлуки был для нас невыносим. Мы как-то любили и ненавидели одновременно. Друг друга защищали. Помню, меня наказывали за те или иные проступки, ставили в угол, кричали, а Наташа бегала между мной и родителями и отстаивала мои интересы сама, без моей просьбы.

Когда мы обе чуть повзрослели, стали наказывать обеих. Нередко ставили в углы друг напротив друга. Стоять час в углу было скучновато, и мы придумали свой алфавит, немой, по которому неплохо общались. А чтобы родители не воспринимали речь на слух, тренировались при них говорить только с приставкой «пи», после каждого слога – ПИна-ПИ-та-ПИша (Наташа). Таким способом мы проворачивали свои коварные планы по захвату кухни.

Наташа всегда была рядом со мной, мне было так спокойнее. На дворе девяностые: кругом бандиты и «больные» люди. Я боялась, что она попадет в плохую компанию, и решила: пусть всегда будет рядом со мной, чем непонятно с кем.

Папе не нравилось, что сестра тусуется с моими друзьями, он считал, что ей надо бы находиться со своими сверстниками. Но сложно было что-то менять, так как с рождения сестры родители мне твердили: «Сестра твоя ответственность!»

Между нами долгое время была связь – больше, чем просто сестринская. В то время, когда Наташа рядом, я считала своим долгом ее контролировать во всем: будь то прогулка или отдых на море. Внутри меня включался тумблер, и я превращалась в надзирателя. Даже в тридцать лет. Только лишь на ее собственной свадьбе меня отпустило – я переда-

ла судьбу «дитя» ее мужу. И ведь действительно, отпустило.
Но не отрезало. Душой я с ней. Всегда!

К войне готова?!

Решил сделать из старшей Жени солдата Джейн.

Папа все детство готовил меня к апокалипсису.

Первое, чему он меня научил, – пилить дрова «Дружбой N1», похожей на рыбу-пилу из мультика «Голубой щенок». Я редела, да пилила. Зачем мне в жизни этот навык? Да еще и в городе...

Делать кладку из кирпича в будущем мне может пригодиться – твердо считал папа, хотя пока не пригодилось. В срок-то с лишним лет! Но самым тяжелым, пожалуй, был процесс расправы над бараном – от убийства животинки до вязки носков из его шерсти!

Рассказываю поэтапно: убить барана (перерезать горло я так и не смогла), снять с него кожу (ну и что, что я девочка; отец жил в деревне, там было вполне нормально уметь это делать с восьмилетнего возраста). Потом шкуру барану надо было натереть солью, а шерсть сбрить. Вернее, наоборот: сбрить, а потом обработать солью. Ох, и эмоций я словила тогда! Пальцы жгло от соли, щеки – от слез. Помню, дела-

ла и думала – зачем это все со мной происходит? Мне было всего двенадцать лет!

Дальше – веселее. Шерсть помыть, высушить, расчесать. А потом прядение и вязание носков. Самое странное: больше всего (не считая перерезания горла животному) я не любила вязать носки. Четыре острые спицы вечно сжимали ногу и кололи в кровь пальцы. Бррр.

В голове до сих пор крутятся вопросы: как мне это все могло пригодиться, тогда и сейчас? Спустя тридцать с лишним лет я поняла, что это были всего лишь страхи молодого отца. На дворе стояли 90-е. Учитывая, что он пограничник, военный по жизни, вероятно, он просто боялся потерять своих детей – девочек. И из-за этого решил сделать из старшей Жени солдата Джейн. Помогло ли мне это по жизни? Тогда казалось – вряд ли! Эти навыки заложили во мне лишь великую самостоятельность, недоверчивость и готовность к войне. А вот сейчас думаю, помогло! Только способы должны были быть другими.

Милая девочка-девочка до сих пор сидит где-то в темнице, с косой на улице, и робко ждет, когда ей можно будет вырваться на волю и бежать триста километров в час по соленому высохшему озеру.

Хотя сейчас я могу резать кур, доить коров, из овцы сделать шашлык и связать носки (не ем шашлык из баранины), построить дом, ползать по пластунски, стрелять... В общем, если вдруг начнется война, то я к ней полностью готова! Как и хотел мой папа!

[Пишу от 30.10.22 – Я НЕ готова! И никогда не буду, так как все, что сейчас происходит – это страшно!]

Опять Плаксины чемпионы

Дух соперничества и желание быть первыми заложены были в каждом из нас.

Наша семья всегда отличалась от всех. Начнем с фамилии – Плаксины. Хотя и слезливая, но очень яркая, запоминающаяся, чемпионская.

Мы старались быть лучше, чем соседи. Возможно, это бич того времени – быть лучше, чем та Галька или Глашка. Родители часто мне говорили: «Вон, посмотри на Валю, какая она молодец, и ты давай, будь лучше ее. Ты сможешь!» И я старалась быть лучше всех. Не понимая зачем, но зная, что так надо!

Во всех состязаниях и конкурсах наша семья всегда занимала первые места. Но, когда мы были не уверены в победе, мы не участвовали. Дух соперничества и желание быть первыми заложены были в каждом из нас.

Ежегодно на заводе, где работал (и работает до сих пор вот уже более сорока лет) мой папа, проходили соревнования по лыжам. Пять лет подряд мы занимали призовые места. Некоторые семьи, зная, что мы принимаем участие, сни-

мались с соревнований, потому что были уверены: Плаксины станут первыми.

Полон дом гостей – это тоже про нас. На все праздники в наш дом приезжали друзья и родственники из разных городов. Длинный стол, как на свадьбу. Танцы до самого утра. Все сначала танцуют, а потом поют. Было по-молодежному весело. Я все время наблюдала за мамой, как она успевает по хозяйству и как кокетничает с гостями.

Мама – мой кумир и королева красоты. С осознанного возраста я подражала ей. Вертелась у зеркала, красилась, наряжалась. Старалась все делать, как мама: готовить, шить, вязать. С рождения она вкладывала в меня творческий подход к жизни. Я видела, как она с легкостью могла управлять коллективами, организовывать конкурсы «А ну-ка, девушки!» на своем предприятии, всегда крутилась во всех профсоюзах. О ее красоте слагали легенды, рисовали портреты, даже мне прилетали комплименты. Мама могла делать множество дел одновременно, все успевать и никогда не устать.

– Мама, ты же не успеешь сшить мне костюм! – со слезами смотрела я на куски ткани, укладываясь спать. – Утренник в садике уже завтра.

– Не переживай, Женечка, я же не одна шью, ко мне всегда

приходит помогать твоя фея-крестная! – улыбалась мама.

И действительно, сколько себя помню, просыпаясь утром, в ожидании волшебства, перед моими глазами всегда висел мой готовый наряд. Каждый год новый, каждый праздник идеальный. Мама и была той самой феей!

Борщевик

«Фууу, это ты навоняла?» – корчилась сестра, затыкая нос.

Когда мы с сестрой были маленькими, родители часто возили нас к бабушке, жившей под Уфой. Тогда у нас был бежевый запорожец с кожаным салоном, который издавал при движении особенный тарахтящий звук.

Из года в год по пути в Башкирию мы любовались гигантским растением, растущим вдоль дороги. Это был борщевик. Огромный зеленый куст, похожий на укроп, где сама шляпка могла достигать целого метра в диаметре. И вот однажды, возвращаясь от бабушки, мы решились взять с собой домой три невероятно гигантских цветка. Вместе с сестрой и папой мы вышли на добычу. Первая попытка сорвать цветочек потерпела крах, ствол был прочный. Тогда мы решили его переломить, и снова не повезло. В итоге папе пришлось пилить растение маленьким перочинным ножиком. Несколько минут сложной работы, и мы погрузили цветы на крышу, привязав их веревкой.

Довольные и счастливые, мы продолжили путь. Каждый в своих мыслях представлял, как мы привезем гигантов до-

мой, как все жители общаги удивятся нашей находке и как мы поставим их в угол в огромную вазу.

Спустя несколько минут в машине:

– Фууу, это ты навоняла? – корчилась сестра, затыкая нос.

– Ты че, совсем, что ли? Не я это! – возмущалась я.

– Фууу, тогда кто это? Родители?

– Нет, дети, это, наверное, с улицы. Прикройте лучше окна.

Так и ехали в вони, думая, что на трассе что-то случилось.

– Мама, а мне глаза щиплет, и слезы текут, – начала ка-
нючить я.

– И мне, мама, тоже, а еще ноги чешутся и руки, – запи-
щала Наташа.

– Да, Иринка, слушай, и у меня руки жжет, – поддержал
папа.

Мы вышли из машины и увидели на капоте желтые пятна. Вонь стояла, как в общественном туалете. Ноги у папы распухли, впрочем, как и руки. У меня и сестры началась чесотка. И тут до нас дошло – это все из-за гиганта-вонючки, того самого невероятно красивого цветка.

– Все из-за цветка, что ли? – разозлилась я и стукнула по «укропу».

– Это он, – мама понюхала ствол, – надо выкинуть, пока не задохнулись.

И мы сбросили борщевик с машины в болотистую канаву. Дизайнерские мечты, которые мы думали воплотить в реальность в нашей общажной комнатухе, канули в никуда... Дальше мы ехали, чесались, смеялись и проветривали свой автомобиль. Было забавно, что, даже если кто-то испортил воздух, все равно никто бы и не заметил. А ведь кто-то из нас мог и вправду воспользоваться данной ситуацией!

Запах в машине еще долго не выветривался, а пятна на крыше так и не смылись. Даже ожоги на руках и ногах папы вылечили не сразу. Цветок, вернее, его сок, оказался ядовитым. С тех пор мы не пытаемся навредить природе во благо красоты интерьера, помня, как она, природа, от нас интересно защищается.

Лесная история

Импортный. Розовый. Со вкусом земляники.

Когда я училась в седьмом классе, мы с папой отправились в лес за земляникой. Сестренка в тот момент заболела и осталась дома с мамой, тем самым пропустив незапланированный «праздник жизни». В то время все часто собирали грибы и ягоды на зимовку, и каждый поход был для нас ярким событием.

Мама доверила мне купить средство от комаров и слепней. К заданию я подошла ответственно: исследовала несколько магазинов, пересмотрела разные спреи и мази, выбрав в итоге самый большой и красивый флакон. Импортный. Розовый. Со вкусом земляники. С гордой мыслью, что теперь нам не страшны летающие грызуны, положила средство в ведро.

Зайдя в лес, мы с папой сразу же обработали одежду друг друга. Запах от спрея стоял чудесный, земляничный! Пока бродили в поисках ягод, я все время теребила крышку от баллончика и нюхала его без остановки. Но спустя всего лишь час комары все равно начали нас активно кусать. Они лезли в нос, глаза, уши, поэтому мы решили сделать

перерыв. Пообедав вареными яйцами с хлебом и молоком, мы с папой снова обработали себя «антиукусным» средством и пошли в другой лес.

Нам было так весело вдвоем. Мы бродили, травили смешные байки, пели. Настроение было чудесное... Еще бы! Я же купила импортный баллончик, который вдобавок ко всему еще и благоухает по-королевски!

Через короткое время нам вновь пришлось побрызгаться от комаров. Решив, что это бракованное средство, мы залились им с головы до ног. Лишь бы насекомые не кусали. От такого количества спрея нам становилось весело. Хотелось не только петь, но и танцевать.

Набрав полные ведра ягод и пакет грибов, мы отправились домой. А к вечеру у меня сильно разболелась голова. Все подумали, что я просто устала. Поужинав в кругу семьи и расстроившись, что средство от комаров попало бракованное, я решила повнимательнее разглядеть баллончик. Куча картинок, импортный текст, цифры и знаки. И вдруг на этикетке меня зацепило одно слово. И тут до меня дошло! Это был «Дихлофос»!

Мы долго вспоминали этот случай, и каждый раз, собираясь за грибами в лес, мне предлагали взять с собой мое лю-

бимое средство, которое заставляет не только петь, но и танцевать под звуки пищащих кровопийцев.

Школа

Это маленькая жизнь

Это место оказалось не только сундуком с великими знаниями, но и огромным полем битвы с окопами.

Мой школьный период состоял из трех главных этапов. Первый – «Ой, как все интересно, скоро я стану взрослая!». Второй – «Нафига мне все это надо?». И третий – «Я совершенно не понимаю, кем мне стать».

В начальных классах я была спокойным ребенком: заботой белокурой девчушкой, которой было удобно жить в своем микромире, слушать уроки и вязать цветочки крючком. Лишь бы меня никто не трогал. Чудо-ребенок, которого особо не замечали. Есть Женя Плаксина и есть.

Пока на переменках дети ели, кричали, бегали, толкались, я в свою очередь прыгала «в резиночки» и была лучшей в этой игре.

Но в школе я оттачивала не только прыжки и знания

по программе, а еще усидчивость и терпение. Тренировалась сдерживать свои эмоции, а также училась хитрости, умению красиво обманывать, льстить, манипулировать, чувствовать собеседника и управлять им, а также плевать бумагой из трубочки, подсовывать кнопки, рисовать мелом на учительском стуле, показывать преподавателям языки, громко хлопать дверью и публично реветь.

За все время обучения в моей жизни происходили разного рода битвы – с друзьями, учителями, родителями, с самой собой. Я должна была показывать знания, навыки, опыт, свои способности. С первого класса и по последний в моей голове стояли громкие слова родителей, учителей, соседей. Все они хором твердили: «Ты должна! Учиться! Приносить хорошие оценки!»

От этого «ты должна» я совсем не хотела ходить в школу, в которой просто выживала (либо ты, либо тебя). Это место оказалось не только сундуком с великими знаниями, но и огромным полем битвы с окопами, в которых периодически можно было зализывать раны. Полем, где проходили разные сражения. Как только дашь слабинку, тебя тут же растопчут. Причем все: и одноклассники, и учителя, и даже родители. Без правильной внутренней и внешней поддержки ты просто могла не выгresti. Все это и подготовило меня к будущей жизни.

Но иногда мне хотелось еще и побыть интересной, крутой, как одна моя одноклассница, которая стояла самой первой на физкультуре, и за ней бегал весь класс. Вернее, все парни. Но свое сердце она отдала только одному мальчику, в которого были тайно влюблены все девочки в классе, включая меня.

Был такой случай с этим парнем. Он мне написал записку: «Ты мне нравишься». И отправил ее через своего друга. А друг, не долго думая, начал запиской вертеть и кричать: «Тили-тили-тесто, жених и невеста». Подбежал и кинул в меня клочок бумаги. Но, увы, взять ее я не успела, мой путь преградил большой торс нашей примы: «Я видела, он тебе записку написал. Ну-ка, показывай!» Но я не отдавала. «Тогда я сама ее заберу!» – провозгласила завистница.

Она была гораздо больше меня, к тому же на год старше, и всей своей массой рухнула на меня. Завязалась драка. Вначале я отбивалась, но потом перешла в агрессивное нападение. Тогда уже она отбивалась от меня. Тут подключились еще некоторые одноклассники. Возможно, драка обладает какой-то притягательной силой, но к приходу учителя в классе образовался ком из детей.

В школу вызвали родителей. Меня отругали, мол, так

нельзя, ты же девочка. Но папа, посмотрев на мои ссадины, решил научить меня правильно драться – показал настоящие боевые удары. А прима больше не задирала передо мной свой курносый нос.

Спасатель

*От болевого шока я истошно закричала.
В голове была мысль – бежать.*

В школе меня часто дразнили. Еще бы! Девочка, с длинными худыми ногами, веснушками, с большой щербинкой между передними зубами и с мальчишечьим именем. Да еще и фамилия – Плаксина. Все это рождало насмешки одноклассников. Несмотря на ежедневный стресс в школе, дома и на улице, я оставалась тихой, скромной и доброй. Хоть внутри меня и бушевал океан эмоций и обид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.